

Зоя Ерошок, журналистка, и Евгения Головня, 2011.

Е.Г. Я горжусь одним своим интервью с Плисецкой. Мне пришлось наступить на горло собственной гордости. И я душой просто клинической прикинулась, чтобы получить эмоции. И я говорю: «Майя Михайловна, а кого вы больше любите? Какое направление в музыке?». «Я?! А я и Бизе и Щедрина люблю, а я это... А тут сегодня...». И её понесло вот так, как Остапа, она, видно, сочла, что какая-то идиотка, вообще, может такие вопросы задавать, и развернула очень здорово. Вот поэтому в этой связи я хочу спросить о Юре как о журналисте. Многие люди, с которыми я беседовала, ну, как бы оправдывали, что ли, Юрин слог тем, что он был искренен, эмоционален, как бы хороший разведчик журналистский - принижали его литературную составляющую его работы. Вот что на это скажете?

З.Е. Для меня Юра – это прежде всего очень талантливый журналист, причем природа его таланта и исполнение этого таланта на бумаге – это содержательность, это яркость, это сила, это внятность. Это очень своеобразный журналист. И вот именно как журналист, мне кажется, Юра прежде всего интересен. И его слог, он точный, сдержанный. Это такая сила его – в сдержанности. Смесь рационального с иррациональным. Краткость, даже если это большой объем. И на небольшом объеме уметь высказать важное? Это очень личностное перо. И мне кажется, что все эти составляющие очень важны в журналистике. В книге, которую выпустила «Новая газета», (ЮРИЙ ЩЕКОЧИХИН. НЕЗАВЕРШЕНН...- ред)) Юра Щекочихин «не завершён», есть небольшая заметка «Свою Грузию я не отдам» – я очень люблю ее. Такое начало: «Давно не было так беспомощно стыдно, как в три последних дня прошедшей недели. Когда в среду на закрытом заседании Госдумы министр обороны Сергей Иванов назвал Грузию не только «так называемым государством», но и обозначил ее чуть ли не «потенциальным» противником России, серьезно не воспринял эти его слова: Иванов – человек в политике молодой, в армейской системе – тем более. Мало ли что сорвется с языка! И не такое слышал! Но когда спустя два дня почти то же самое услышал уже от президента Путина, да еще больше, серьезнее – с угрозой военного вмешательства в дела соседнего с нами государства, – стало не по себе. Да,

отношения с Грузией испортились, дальше некуда... Даже не России и Грузии – куда нам деваться друг без друга! – между политическими элитами двух стран. Но одно дело – политические покусывания президентов, спикеров, министров и политтехнологов. А тут – прямые, откровенные, неприкрытые угрозы! Понимаю, дерутся малолетки на окраинном дворе: «Ах, вы Васю-косого позовете, так у нас есть свой Петя-кривой!», «Получай, фашист, гранату!» и так далее... Но это же люди, народы, наше прошлое, наши друзья... Поразила почти единодушная эйфория, охватившая политиков разных мастей и окрасок при президентском обещании очередной крови, при новом «мочить», при откровенном призыве к охотничьему азарту: «Ату их, ату...» Стоп-стоп! Это что, грузины сначала привезли Дудаева в Чечню, а потом не знали, как от него избавиться? Это в Тбилиси сквозь пальцы смотрели, как образуется в Чечне беспредельный режим? Или это грузинский генерал сказал, что возьмет Грозный силами одного десантного полка? Это их самолеты раздолбали Грозный, Гудермес и десятки, сотни поселков, сел и аулов? Это их командиры подписывали – и подписывают – тысячи похоронок?». Вот, и так далее. Этот текст называется «Свою Грузию я не отдам» и заканчивается так: «Нет! Свою Грузию я не отдам! И не забуду, как маленьким чуть не плакал на последних кадрах фильма «Отец солдата». 16 сентября 2002 года.

Я помню, что мне тогда позвонили мои грузинские друзья и сказали, передай Юре, чтобы подписал нам эту заметку. Я даже помню, как она была двухколонником у нас на второй полосе поставлена. Он подписал, это очень редко Юра делал, подписал, кроме всего прочего, там еще указал «зам председателя комитета Госдумы, депутат». И я помню, что мои друзья позвонили, сказали, передай «Спасибо Юре, это такая поддержка нам». Кабинет его был здесь рядом, и я стала говорить об этом. Он стал оглядываться, испуганно, как будто я его ругаю... Он сам был так был щедр на похвалу, бежал за тобой по коридору, говорил «Какой ты написал материал!» многим людям, очень многим у нас в редакции, а когда его хвалили, он терялся, даже если это происходило наедине и очень за дело. Он смущался – это очень как-то не принято в журналистском мире, потому что каждому хочется похвалу услышать, и как можно более сильную, более мощную, а вот Юра смущался... И я вот эту заметку люблю и другие. Действительно – газета живет один день, и действительно, журналистские тексты устаревают, то, что было мощно

вчера, сегодня уже кажется старомодным, «старой барыни фасон», все это молью поедено, все сыпется, все так уже не делается – другой слог, другая интонация, все другое, и только редко-редко у кого сохраняется. У Юры сохранилось. Перечитываешь, и понимаешь...И дело не в том, что Юра погиб, хотя это отдельная боль и рана, дело в том, что это качество Юриного слова– оно не устаревает, оно не исчезает, оно не становится каким-то ненужным, лишним, типа «не та интонация». Вот это Юра мог.

Юра – это прежде всего его материалы и в «Комсомольской правде», раньше еще в «Московском комсомольце», и в «Литературной газете». Это «Лев прыгнул», другие... Я знаю, как он писал эти материалы в «Литературной газете», в такое самое застойное, брежневское время, когда он шел поперек системы, и как у него было 40 вариантов начала, 150 вариантов концовки, как он выстраивал композицию, как до сих пор на его героев мы смотрим вот теми глазами Юриного материала. Это редкий случай такой очень качественной журналистики, которая соединила талант, ум, изобретательность, чувство слова, композицию, качество, качество и качество.

Я однажды застала их с главным редактором нашим, Дмитрием Муратовым, в диком споре, я зашла в кабинет, они оба ко мне обратились, чтобы я их рассудила, в чём дело. Оказывается, Муратов убирал у него три точки в конце. В нескольких фразах говорят, что это излишне и здесь можно... Юра так настаивал, как ребёнок, он говорил: «Нет, здесь нужны эти три точки!». И я до сих пор сама боюсь после этого ставить три точки и всё время смотрю, где это, насколько это уместно. Но меня тогда поразила вот эта серьёзность, ответственность, даже если это касается трёх точек. То есть человек все продумывал, все говорил, не то что он за эти три точки держался, или еще что-то. Мне кажется, что это очень важно в мужчине, мне кажется, такое серьезное отношение к профессии. Я всегда говорю, правда, что мужчину делают две вещи – серьезное отношение к профессии и нежное отношение к женщине. Но Юра, кстати, с женщинами был такой джентльмен, кавалер, не циник. И вот это отсутствие цинизма, профессионального цинизма в профессии: относиться к этому так, как будто действительно ты только начинаешь, какой бы у тебя ни был опыт. Это какое-то глубокое понимание профессии, в которой невозможно добиться успеха раз и навсегда, и стать какой-то звездой, и звездить, и тусоваться, и всё. То есть это может происходить, но уже человек сам не замечает, что уже всё кончилось, всё уже давно

«постскриптум» и даже ниже. А вот это отношение, повторяю, серьезное, ответственное и щепетильное – и вот это какая-то трогательность есть в этой серьезности. Новые цинизмы сегодня в моде, новые оттенки цинизма: и такие, и такие, и такие. А в порядке вещей, в порядке вещей, в норме, серьёзное, ответственное и щепетильное, как у Юры.

Е.Г. Зоя, а вот про Грузию, про предчувствие войны. Как вы думаете, сегодня какова была бы реакция Юры, и мы не привязываемся даже только к Юре, а к той команде, которая вместе с ним стояла у истоков, на сегодняшнее предчувствие войны? Нас как бы сейчас тоже готовят к этой ситуации. Какова роль журналистики здесь? Взорвать эту ситуацию изнутри, или проанализировать, остаться равнодушным? Вот как? Ведь коллеги-журналисты могут эту истерию усилить. Как вы думаете, как сам Юра бы отнёсся, и как ваш ближний круг сегодня к этому относится?

З.Е. Вы знаете, я сейчас писала о книге Адама Михника, «Антисоветский русофил». Это сборник его статей, эссе, я бы сказала, на разные темы. Это отношения, ну у него нет нетрудных тем, у Михника их не бывает. Архитрудная тема поляков и евреев, отношения либеральных политиков, общества польского и церкви, во время солидарности, и сейчас, об участии поляков в военной интервенции, в разгроме Пражской весны, о демократии, об оттенках демократии. И вот я читала, читала, подчеркивала, у меня почти каждая страница была подчеркнута, разорвана на какие-то цитаты, которые я, когда писала, выделила, о предательстве, о мести. И знаете, что я поняла? Вот он пишет в каких-то вещах, пишет, «я очень осторожно взвешиваю слова, я очень осторожно поддерживаю». И я отмечаю в себе осторожность, и думаю, что кроме осторожности, что еще меня так привлекает в этих текстах, что мне очень важно? Страстность. И тогда вот я подумала, что вот страстность и осторожность. Не вот просто страстно, но осторожно, не просто там осторожно, но страстно. Не разделительный союз «но», а соединительный «и». Страстность и осторожность. Когда-то у Пушкина в дневниках я нашла: «сказать все и не попасть в Бастилию». Часто эту фразу тоже дербанили, и там «не попасть в Бастилию», но он же сказал «сказать все», вот именно, «и не попасть в Бастилию» – образно... Вот у нас сейчас как? У нас или «путиняки», или отморозенная оппозиция, или все «аллилуйя», или «долой-долой», и чем «кому война, кому мать родна» – чем хуже, тем лучше. Вот сейчас сказали, вот все накануне, сейчас мы действительно

должны все это сказать, и все это, и призывать на баррикады. Но я никогда не могу призывать на баррикады, потому что потом гибнут на этих баррикадах те, кто идут на них, а не те, кто призывают. Поэтому, мне так кажется, что Юра, хотя, конечно, я думаю, что если бы Юра остался жив, с его характером много очень испытаний уже прямо в этот год на него свалилось бы. И то, что «Яблоко» проиграло в Думе, а перед этим Аню Политковскую убили, и сколько-сколько всего было, и во что превратился Парламент, и во что превратилась вообще российская власть и российская элита... Трудно сказать за Юру, какую бы интонацию он выбрал, но мне так кажется, что вот как и Адам Михник, Юра был бы страстен и осторожен, вот его бы вела бы страстность, честность, свобода. Да, он бы отстаивал что-то, он говорил бы, он говорил бы правду, глядя в глаза, как он это и раньше говорил, он бы не улыбался подобострастно, не кланялся бы, он говорил бы жесткие вещи в глаза, но он бы и был ответственным. Он был журналистом, и для меня он прежде всего журналист, но мне кажется, интересен Юрин опыт как политика, как депутата, потому что он понимал ответственность. Я не встречала в его заявлениях, в его поступках какой-то такой неосторожной запальчивости, какого-то «сегодня прокукарекал, завтра хоть не рассветай», стремления себя продемонстрировать прежде всего. Несмотря на Юрино мальчишество, на его задор, мне кажется, он был выдержан. Его сила была в сдержанности, и как политика тоже. Поэтому вот сейчас мне кажется, он был бы, повторяю, бесстрашен, свободен, он бы говорил прямо, жестко, но он бы старался отвечать за свои слова и предугадывать то, что последует после них.

Е.Г. Зоя, а вот есть такое понятие «информационный шум». Вот вам не кажется, что мы сейчас в нем живем... И журналистов очень много, и свободы среди них тоже очень много. Может быть, это иллюзия свободы, но она есть. И простому человеку сложно выдержать этот информационный шум, а погружение журналиста в этот информационный шум – он так же точно он может на эмоциональном уровне это все воспринимать. Как быть сегодня журналистом, настоящим журналистом по канонам профессии, и не свалиться в этот информационный шум, не оглохнуть самому и не оглушить других?

З.Е.Знаете, я всегда в таких случаях вспоминаю, когда Наум Коржавин, замечательный поэт, друг газеты, мой друг очень близкий, он, когда недоволен нами, журналистами, нервничает и все время говорит: «В

Пастернаки все метите, самовыражением занимаетесь, с людьми никто не разговаривает!». Он так обиженно, так возмущенно это говорит. И вот мне кажется, журналист должен осознавать себя каким-то посредником между властью и обществом, между людьми разных национальностей, разного социального статуса, между богатыми и бедными, между больными и здоровыми, между разными-разными людьми. Журналист не умнее, не талантливее кого-то, он, может быть, просто умеет соединять, объяснять, разговаривать, слушать. Вот мне кажется, чего не хватает сегодняшним газетам? Не хватает языка улиц, не хватает отдельности человека, понимания этой отдельности человека, его чувств, его мысли, его соображений. Очень много в газетах сейчас, о телевизоре не говорю, о нашем заасфальтированном, а вот очень много в газетах журналистов-экспертов, специалистов в разных областях. У них уже такая интонация: они все знают, у них такие слова, такие гладкие. Или бойкость, такая бойкость. А не хватает людей и их сомнений, людей и их голосов, их монолога, понимаете? У нас во многом журналистика такая: «ты постой в передней, в прихожей, я сейчас все тебе расскажу! «Вот Вася, вот он такой нужный. Вот посмотрите». Вася только рот открывает – «Вася, рот закрой, сейчас я все тебе...». У нас, если интервью, то вот такой вопрос, вот такой вот ответ. И вопрос обязательно так жирным, жирным выделен. Потому что самое главное – это вопрос... Я вообще читаю только ответы. А сама стараюсь только на монологах интервью делать. То, что ты задал какой-то вопрос – это твоя кухня. Какой ты ответ получил, насколько этот ответ внятн и интересен. И мне кажется, журналистика – это, как говорит Коржавин, с людьми разговаривать. Понимание, что один человек – это уже очень много. Один плюс один плюс один – одно личностное существование, другое, третье. И это неважно: академик, дворник, бомж, гастарбайтер, таджик, дворянин, кто угодно. Но вот этот голос отдельного человека, отдельность этой жизни, его мнение, его имеет значение... Чем интересен Интернет? Там живая жизнь, там более живая жизнь., А у нас Интернет отдельно, серьезные газеты отдельно. А важно соединение всего этого, чтобы не был просто пейзаж из лиц, как в моем родном городе Темрюке говорят, «не по-людячи», а чтобы была вот эта «отдельность», чтобы соединили это «по-человечески, по-людски». Когда началась война с Грузией 2008 года, я была на родине в отпуске, мне старый рыбак на берегу Азовского моря сказал: «Какой-то у нас нелюдячий патриотизм, Зоя». И вот эта, мне кажется, «людячесть», это прежде всего, внимание к человеку, уважение к человеку, к его даже

самому неправильному мнению, самому такому обиженному. Надо все равно выслушать, дать слово, спорить, разговаривать, включаться в друг друга. Я не знаю, что такое гражданское общество, какое правильное научное определение. Мне кажется, это включенность людей друг в друга. И вот это видно по благотворительности. Когда я пишу о благотворительных обществах, когда собираем деньги на больных детей, я сталкиваюсь с тем, что больше всего благодарят те, кто помогает, а не те, кому помогают. Те, кто дает деньги детям больным, на операции собираются большие суммы денег. И дают, даже не очень богатые люди. Они дают деньги и говорят «спасибо, что вы помогаете нам помогать». Вот мне кажется, когда кто-то может заплакать, потому что плачет другой, это важно. Недавно у меня была одна австралийская журналистка, молоденькая совсем. Она пишет диссертацию и книгу об Ане Политковской. И у меня было долгое-долгое интервью, она очень подготовилась, у нее было много вопросов, и я так смотрю, отвечаю-отвечаю на ее вопросы. Сама думаю: «Боже мой, что такую молоденькую девочку могло заставить приехать из Австралии, и что она может понять в этой же нашей жизни, в этом всем. Где Австралия и где мы, где опять же их жизнь и где Аня с ее Чечнёй?». С тем, как не понимали и не понимают Аню у нас до сих пор, даже журналисты, даже считают, что все это только у нее Чечня, она одна интересовалась. И вдруг эта девочка все более и более серьезные вопросы задает, все более проникается и проникается, и на какой-то мой ответ, с какими-то подробностями, не помню уже какими, эта девочка как расплечется... Я такую вину почувствовала, стала ее успокаивать, а она говорит: «Ой, простите меня, пожалуйста, но я два с половиной месяца здесь, и вот каждый день я с ее мамой общалась, с детьми ее, я была на кладбище, я во все это проникаюсь, проникаюсь, и вот иногда я не выдерживаю». Говорит, ей недавно сон приснился: «Мне приснилась Аня, и она говорила мне, что, пожалуйста, вы должны иметь какую-то дистанцию, вы должны довести эту работу до конца, держитесь и все». Потом я расспрашивала уже о ней самой, оказывается, в Австралии, конечно, никто ничего там толком о нас не знает: своя жизнь, там даже нет курсов русского языка, она говорит, она здесь учит. Но у нее дедушка с какой-то венгерской кровью, и дедушка сидел в ГУЛАГе, и она стала правозащитницей, еще совсем юной: она читала Аню, читала о Чечне, а когда Аня погибла, она решила, что ее долг о ней написать. И вот это думаю: боже мой, какая вот такая-то в этом чистота и взрослость, и ответственность. Это вот опять из серии «Кто-то может

заплакать, потому что плачет другой» – это вот эта включенность в Анину боль, в Анино дело. Я думаю: боже мой, одна девочка из Австралии, если бы и было таких – во всем мире – не издавались бы книги, не ставились бы спектакли об Ане, не назывались бы площади имени Ани ... Эта девочка – она тоже одна из тех, кто включён и в Россию, и в Аню. И это очень-очень, мне так кажется, важно. Я не знаю, невозможно ли надеть какие-то бронежилеты от боли. Я надеюсь, что эта книга выйдет, и в Австралии узнают, и в мире узнают ещё больше об Ане. Мне кажется, современность журналистики в этом, и это продолжается через Юру, через Аню...

Е.Г. Зоя, вот об ответственности журналистов, может быть, странный вопрос. Медведев был на факультете журналистики, и часть студентов выразила свое «фе», но Засурский сказал, что это эпатаж и самоутверждение – их поведение. Вот где истина?

З.Е. Ну, я сама закончила факультет журналистики МГУ, и, кстати, Юра, и потом Юра был очень долгим студентом на факультете, долго учился на вечернем.. И, кстати, Ясен Николаевич Засурский, очень его ценил и потом дал денег на книгу его статей. Я очень люблю Ясенья Николаевича Засурского, он человек 19 века, он человек очень порядочный. Он должен был как политик себя вести, я понимаю его ответственность и за факультет, и за судьбу этих студентов, да, какие бы они не были эпатажные, или какими бы они не казались революционерами.

Допустим, я была бы учительницей, я должна была бы проявить какую-то строгость. Я училась в советское время, это был партийный факультет, но никакой вот заморочки партийной не было. Так как нам преподавали русский язык, так как нам преподавали литературу – нам этим показывали, что вот это главное. А все это, как мы называли, теорию и практику партийно-советской печати – это тыры-пыры.

Я считаю, безобразие, то что президент приходит на факультет журналистики встречаться там с «нашистами» и там только три студента факультета журналистики МГУ, на пороге стоит декан и стоит ректор и полтора часа его ждут. Ему из Кремля, я понимаю, не пешком перейти, ехать. Студентов при этом и преподавателей не выпускают и не впускают на факультет, и то что эти дети стали вот с этими бумагами и выразили свой протест... На одном плакате было написано «Почему вы сидите в Твиттере, а Ходорковский в тюрьме», на другом было написано довольно

язвительно: «А вы посоветовались с премьером, прежде чем прийти на факультет журналистики?». Этих студентов задержали, сначала держали в аудитории, потом в автозаке, потом как-то повезли в милицию. И, кстати, Засурский и ректор их защищали и вытаскивали. Студенты, две с половиной тысячи, написали письмо ректору, возмущенные вот этим мероприятием, как они отмывали лестницу, и как отмывали репутацию МГУ. А я вижу в этом проявление. Я бы, конечно, очень не хотела, чтобы с этими детьми что-то случилось, и сейчас они попали в какой-то черный список. Не дай бог, чтобы им там поломали судьбу. Но я считаю, а вот это и есть гражданское общество. Сказать власти, что не надо нас держать за полных уже придурков. Не надо вот этой профанацией заниматься.

Я горжусь своим факультетом, я горжусь этими студентами. И я бы не поощряла и не провоцировала на какие-то акции, но они поступили, мне кажется, по-взрослому. В этом есть ответственность. Мне так кажется, нельзя бесконечно заглядывать в лицо нашей власти и думать, какого она сегодня настроения, как она к нам относится. Мне кажется, нужно их заставить заглядывать в наши глаза и наши лица, и чувствовать, в каком мы сегодня настроении. Надо помнить, что власть — это обслуживающий персонал, нас обслуживающий, и они, конечно, очень зарываются, и когда реальность отдельно, а они абсолютно параллельно — так просто нельзя. И когда так происходит, когда на уровне детей, на уровне факультета журналистики МГУ эти дети говорят «нет, так нельзя, так не будет и мы выскажем к этому отношение» — это, мне кажется, нормально.

Е.Г. Есть конкретные имена какие-то среди молодых ребят, которые могли бы, ну хотя бы приближенно, по самобытности по смелости, по бескомпромиссности напомнить Юрино?

З.Е У нас в редакции очень много молодых журналистов, которые пришли сюда вообще абсолютно детьми в 17-18 лет. Лена Костюченко — очень-очень хороший журналист, очень-очень свободна, очень смелая, с совершенно зрелыми текстами. Её материалы по Куцевке очень-очень многие. Я не говорю о Лене Милашиной, которая выросла здесь, первые ее материалы были по Курску, потом по Беслану, расследование Беслана, расследование того, что случилось с Курском. У нас есть Оля Боброва, которая пишет аналитические, высокопрофессиональные исследовательские статьи по Северному Кавказу, где иррациональное

и рациональное, то, что было у Юры, очень сочетаются. При этом они молодые люди, они не какие-то фанатки, они пишут и на другие темы, и могут писать. Я преподаю, и я вижу студентов, когда даю им какое-то задание написать какое-то эссе, я вижу, как они формулируют, как они читают. Сейчас я веду цикл «Новые декабристки», как они сами себе называют «зэчки» – это те, чьи мужья сидят сейчас. По официальной статистике у нас сидит 1 млн человек, по другой официальной статистике у нас сидит 1,8 млн или 1,7 млн. Я так поняла, что в возлюбленном Отечестве до сих пор все равно: что 1 млн, что 1,8 млн, что 1,1 млн, что 1,7 млн. Материалы у меня как-то не получаются, я недовольна собственной интонацией... Я рассказывала об этом студентам, и попросила их написать их отношение к этому. Долго сомневалась: писать, не писать, говорить, не говорить с ними на эту тему. Где эти наши тюрьмы, лагеря, и где эти юные студенты, им 19–20 лет. И все-таки потом я перечитала Шаламова. и Шаламов считал, что лагерный опыт – абсолютно отрицательный опыт от первого до последнего дня, и ни один человек не должен через него проходить, но для него было преодолением зла – это вот писать об этом, рассказывать. Он преодолевал зло, и рассказывал, как об этом надо писать. Я все это соединила, а потом попросила их написать, сразу же на занятиях написать на листочках, считают ли они, лагерь, как писал Шаламов, мироподобен, что по разные стороны колючей проволоки есть много похожего в унижении человека, беззащитности. И сначала был разговор, потом они написали, я изучала эти ответы, одна девочка особенно как-то так слушала, и с какой-то горькой усмешкой вот как-то реагировала, а потом она призналась, что у нее сидит муж. А другие цитируют Евгению Гинзбург, они цитируют своё прочтение Шаламова, они говорят своё... Оказалось, что это вовсе не то, чего я боялась, что не поймут, я буду слишком их грузить. Они в Интернете читают исповеди тех, кто сидел или исповеди жен, и оказалось, что это совсем не параллельная для них жизнь и реальность, они уже включены, они уже что-то могут сказать, у них есть что сказать, и это интересно. Мне кажется, когда пишу о молодёжи или говорю с ними, я их воспринимаю как «непоротое поколение». Но я вижу, что уже с ними что-то случается, как вот у этой молодой девушки, у которой сидит муж. Думаю, кто-то хорошо сказал об этих «новых декабристках», сказал, что они оскорбленные, но не униженные. Я вижу в этом молодом поколении, которое мне почему-то очень близко, мне даже мой главный редактор говорит, что мол, совершаешь поколенческое предательство, ты больше общаешься с ними.

И знаете, я вижу, что они не хотят приобретать опыт унижения. Интуитивно, сами они находят такую интонацию в жизни, умеют надеть на себя весёлое и гордое лицо, по отношению к власти тоже. Какие хорошие выросли дети. Я довольна. Я рада, что я преподаю. Иногда думаю: боже мой, это моя профессия – буквы в слова складывать, писать, читать и готовиться к лекции. Бывает совпадение с аудиторией, бывает что-то мимо, я опять недовольна собой, еще что-то. А потом вдруг чьи-то глаза, чье-то лицо, чьи-то вопросы, чей-то вот этот написанный текст, чьи-то поступки, и ты видишь: «О боже мой!». Вера Челищева, которая описывала весь процесс Ходорковского. Никита Гирин, который тоже пишет о процессе. Они молодые, юные, и в то же время они уже какие-то взрослые. В них нет инфантилизма. Они собранные, они организованы, они активны, они не впадают в ложную публицистику, и тем более в пафос, но у них есть интонация, строгая, выдержанная, конкретная, мне это нравится.

Е.Г.Зоя, скажите, Юра ушел накануне выборов, что больше нас склоняет к версиям убийства? Был ли смысл, если это убийство, отдавать свою жизнь, когда вообще мало что изменилось?

З.Е. Ой, очень тяжелый вопрос. Вы знаете, когда убили Аню Политковскую, мы вообще хотели закрыть газету, и наш главный редактор поставил вопрос о том, имеем ли мы право рисковать жизнями и распоряжаться чьими-то жизнями. Что касается Юры, я, например, никогда не поверю, что это была своя смерть, потому что я видела его в гробу... Юре было 53 года, но он был абсолютно молодой человек, а я видела старика 100 лет. Я видела это своими глазами. И то, что нам всё время дело закрывают, открывают, закрывают, оно опять, как в данный момент, оно опять застопорилось. И если Юра умер своей смертью, почему не делают все, чтобы это раскрыть, чтобы это доказать? Это очень тяжелый вопрос, на него нет ответа. Все бы отдала бы, чтобы был Юра жив, чтобы была Аня жива, Игорь Домников, Настя Бабурова, Стас Маркелов, Наташа Эстемирова. За десять лет шесть человек убиты, погибли. Это очень дорогая цена. И я не знаю, есть ли ответ вообще на этот вопрос.

Е.Г. Свет поменялся, да?

З.Е. Мне кажется, когда мне говорят, что вот у нас народ не такой, у нас проблема народа, не так голосуют, не туда. Во-первых, мы не знаем,

сколько приписывают, мы не знаем, как народ на самом деле голосует, мы даже не можем такими цифрами оперировать. Мне так кажется, что у нас проблема не народа, а проблема элиты, которая сама себя назначает, а не воспитывается и не выращается, как должна быть настоящая элита. И мне так кажется, что касается начальства страны, она изменяется к худшему. Что касается людей, это интернетский народ, это студенчество, это молодежь, это просто люди из просто жизни. Вот здесь не ухудшается. Мне кажется, наоборот, люди приобретают какой-то опыт уже, и люди по-разному выражают свое мнение. Не все имеют возможность это сказать в телевизоре, тем более наш телевизор «людячим» мнением не интересуется вовсе. Но все-таки люди на своем уровне, в каких угодно формах, хотя бы не участвуют во зле, в своем мнении, или воспитании детей, это учителя, преподаватели в институте... Я сталкиваюсь с нежеланием принимать за норму многое.. Многие завоевания перестройки, можно сказать, перечеркнуты. Но люди не впадают в отчаяние, а у людей накапливается какой-то опыт личного сопротивления. И какое-то идет взросление, мне кажется, взросление людей. Мне кажется, вот проходят люди школу, и что-то есть в этом правильное.

Е.Г. Явам приведу две цитаты. Первая: «Каждый народ достоин своего правительства». Это как бы древняя цитата. И более современная, Светлова, по отношению к нам, к народу, что «не надо уподобляться моему знакомому паровозу, который расходовал пар на свистке». Интернет, я считаю, что это выпускание пара на 80% – действий нет, есть словоблудие. Любой сайт начинался Ньюсленда , а в итоге через какое-то время сводится к обтягиванию. И вот этот воздух агрессии, чем это спровоцировано? Бывают хорошие статьи, а вокруг этой хорошей статьи снизу идёт твяканье.

З.Е. Нет, я не согласна, я не такой техничный человек, чтобы целыми днями сидела в Интернете, но я отношусь к интернетскому народу с уважением и по совершенно конкретным содержательным причинам. Например, когда были пожары прошлым летом в Москве, через Интернет организовывались люди, волонтеры, организовывалась помощь. Люди составляли сами из себя эти пожарные бригады, включились в это лучше, чем журналисты, и власти, и чиновники, и пожарная охрана профессиональная. Я просто видела и писала об этом. Собирались деньги, вещи, люди ехали туда, тушили эти пожары, ни на кого не жалуясь, никого не призывая, сами. Я вижу это постоянно в благотворительности, когда

от Минздрава невозможно добиться ни квоты, ни помощи на высокотехнологичные операции. А счёт жизни этого больного ребёнка идёт иногда не на годы и месяца, а на дни и часы. И тут включается Интернет, собираются огромные деньги, которые идут именно на эту операцию. Я писала о тех, кто и как спасает. У нас была история, 2008 год, Коля Проценко – мальчик, который заболел генетической болезнью, на три строчки название, которой никто никогда в России не болел. А перед этим у его родителей, молодых из Красноярска, ребёнок абсолютно здоровый только родился, второй, и потом они приехали сюда и выяснили про эту болезнь. Болезнь изучается в Бельгии, в клинике Сан-Люко. От этого ребёнка Минздрав отказался, не помогли. Тут кризис, 2008.... Люди, которые раньше давали деньги, говорят, нам не до чего. Я написала маленькую заметку в Интернете. В этот же час, в эту же минуту пошли деньги. Были переводы анонимные по 100 тысяч рублей. Был какой-то офисный менеджер по фамилии Молодой, служащий банка, даже не банкир, по фамилии Проценко, однофамилец из Киева, который прислал 5 тысяч евро. Но в основном эта сумма была 500 рублей. 1000 рублей, 500 рублей. Из Петербурга почему-то было больше всего. Кто присылал? Водитель трамвая. Люди заказывали молебны во всех церквях. Люди собирали деньги. Меня поразило: 2 письма, 2 квитанции, в разгар кризиса, когда не платили бюджетникам зарплату, ООО «Рязанский, шпалопропиточный завод» прислал 5000 рублей. Я представила, как это собиралось, это ж не один человек. Представляете, мальчик, который лежит в Бельгии, родители из Красноярска, папа здесь, мама там. Рязанскому шпалопропиточному заводу что, казалось бы, до этого? Никто из них не говорил вообще ни о Минздраве, ни о начальниках. Они просто организовывались. И одна молодая семья из Ставрополя. Муж, жена и ребенок маленький. И молодая мама пишет: «Хотите верьте, хотите нет, но семейный бюджет за месяц – две с половиной тысячи рублей». То есть мама не работает, а я знаю, сама с юга, я знаю, что три тысячи рублей – это еще нормальная зарплата, не надо нам рассказывать про какие-то мифические «средние». И говорит: «Поэтому простите, можем выслать только 500 рублей». И они собрали, и за короткое время было собрано больше 100 тысяч евро, понимаете? Включились какие-то водители грузовиков, дальнобойщики из Якутска, из Владивостока, еще какие-то, из других стран. Были люди из Штатов, из Италии, из Бельгии, из Израиля, из Грузии, из Белоруссии. Там Саакашвили – фашист, там батька Лукашенко, Америка такая-рассякая. А люди включились, собрали,

помогли, понимаете? И мне кажется, именно в Интернете, где полно мусора, там полно грязи, там полно всякой гадости, - есть и другое. Есть вот это умение организовываться самим по себе. Вот как акция, например, «Сухая попа» по сбору подгузников и памперсов для детей из «домов малюток». Дети лежат с голыми попами, с которых кожа сошла, потому что нянечка не может уследить бесконечно. И тогда замечательная Катя Бермант организовывает сбор подгузников, назвала это «Сухая попа», и эта акция родилась на Старом Арбате. Люди приносили подгузники, потом это отвозилось в Дома малюток. Сейчас в ста городах России проходит эта акция. Она проходит единовременно или она между акциями. Люди постоянно сами несут эти подгузники. Люди перестали выяснять отношения и стыдить власть, что она там не дает деньги, не участвует, не делает. Уже страна людей делает то, что должно бы устыдить для государство. Государство должно захотеть походить на страну людей, а когда я в твиттере у президента Медведева читаю объявление «надо помочь этому ребенку», я просто в шоке. Почему Дмитрию Анатольевичу не приходит в голову взять и деньги дать этому ребенку и помочь, я уж не говорю обратиться в Минздрав.

Е.Г. Зоя, а вот не кажется, что вот это, скажем, поток добра от сердец – это некая шторка, отделяющая нас от возможности действовать против власти. То есть мы добрые, мы хорошие, когда мы не рискуем ничем, а когда надо активно что-то менять, мы отделились вот этой шторкой добра.

З.Е Нет, я думаю, что это чаще всего одни и те же люди. Когда-то меня попросили выступить на митинге на Пушкинской, 40 дней со дня убийства Стаса Маркелова и Нasti Бабуровой. И мы шли от Никитского бульвара, оказалось, этот митинг какой-то был полуразрешенный или не разрешенный вообще. Была такая слякоть, гололёд, вода. Впереди нас шла Людмила Михайловна Алексеева, которой была за 80, и давление у неё было 200. А я пришла раньше, и сидела недалеко в кафе, ожидая. И смотрю, какие люди сидят с хорошими лицами. Какой-то папа с подростком, какие-то мальчики, девочки. Это было воскресное утро. Думаю, наверное, это люди, которые будут принимать участие в этом митинге, в этой демонстрации. И сама от этого отмахнулась, думаю: ой, я что-то нагнетаю. Вот сидят люди в кафе в воскресенье утром, почему это обязательно должна быть антифа? Так вот, оказалось именно так.. И потом я встречала этих людей на этих акциях помощи больным детям,

или инвалидам.... Я думаю, это как-то переплетается. «Я буду делать добро и не участвовать в митингах, и не ставить никуда подписи, этим гордиться», - мне кажется, это настроение чаще встречается у более старшего даже поколения, я сталкивалась с тем, что что они говорят: «Нет, я не буду участвовать в митинге, я не буду подписывать это». Это на самом деле просто страх. Люди не хотят в этом признаться, хотя страх – тоже понятное чувство, но зачем при этом налепливать столько слов и столько идеологии, почему ты не хочешь это делать?

А другие люди и на митинги ходят, и ставят подписи. Ведь все-таки почти сто тысяч подписей, которые люди поставили под писи и послали со своего адреса письма по освобождению Светланы Бахминой. Все-таки это сделали? Или когда добивались, чтобы освободить уже больного Алексаняна, это, к несчастью, не спасло его жизнь, но он все-таки оказался дома.

Е.Г. А как расцениваете «манежку» тогда?

З.Е. Мы писали об этом, начиналось же все вроде в защиту этого болельщика, потом просто стало погромом, и били первых попавшихся там армянских мальчиков, и действительно были случаи, когда уже просто ОМОН спасал этих мальчиков. И я думаю, что любая рознь, любая декларация ненависти к любой национальности – это очень страшно и недопустимо. Я помню, что шла по своему там Сретенскому переулку вскоре после этого, встретила какого-то человека, который оказался таджиком, и он говорит, а вы не знаете, где можно купить кошку? Как пройти в библиотеку? Я говорю: «А что такое?». Ну где-то он на складе работал, там завелись мыши, он хотел где-то кошку. Я стала расспрашивать. Он недавно приехал, полгода. Говорит: «А я по вечерам никуда не выхожу, я боюсь».

Е.Г. Зоя, а мы не лукавим здесь? Программа мультикультуры, против которой восстает миролюбивое население, чувствуя ущемление своих интересов, может быть, она ошибочная?

Кстати, мы с Юрой как-то спорили по поводу москвичей и не москвичей, но это в рамках одного народа было, там не было той агрессии, которая существует сейчас. Сейчас смешение культур, к которому, скорее всего, не готовы обе стороны.

З.Е.Мне кажется, надо заниматься воспитанием, воспитанием людей. Конечно, я писала и о гастарбайтерах, и о бомжах, о том, , чтобы не обижали людей из-за национальности. Если обижают, надо кидаться на помощь. Но когда люди из Средней Азии, с Кавказа идут по бульвару среди бела дня, и говорят-говорят на своем языке вперемешку с русский матом – им никто обычно не делает замечание.. Я всегда говорю: «Ребят, а вообще можно без мата?». Но говорят, что это опасно – даже делать замечание. Если это нарушение общественного порядка, значит, нужно делать замечание. И здесь никаких нельзя делать послаблений на « угнетенных». Но этим воспитанием у нас не занимаются, причем культура должна в этом участвовать, массовая в том числе.Моё любимое выражение, бесконечно его привожу, моего любимого философа Мераба Мамардашвили, о том, что культура – это умение практиковать сложность, где все слова ударные. Я всё время это повторяю и самой себе, прежде всего. Умение, навыки, искусство, именно практиковать, не провозглашать, а включать в повседневную ткань реальности. И именно сложность, цветущую сложность. Вот всё сложно. Если представители русского народа делают гадости, надо наказывать, надо проявлять строгость, надо делать замечания, надо воспитывать. Нельзя на это не реагировать и доводить до «манежки» понимаете? Вот между вот этим, как говорят, наказание – это промежуток между преступлением и тем, что уже случилось и что этому предшествовало.

Один человек мне сказал: «Знаете, я много лет назад впервые приехал в Москву. Я ходил по музеям, я ходил по театрам. Я считаю, что, да, нужно учить русский язык, да, нужно, да, нужно включаться в это. Не надо просто теперь вот жить какими-то такими колониями и носиться с собственными несчастьями». Но этим надо как-то заниматься. У нас это всё или доводится до греха, и уже всё, всё, бабахнуло. Опять же, мне кажется, на уровне отдельных людей, отдельного поведения, отдельного какого-то интереса к той стране, где ты живешь, к этой стране, к другой культуре, какие-то понимания, какие-то компромиссы, какие-то противоречия. Но это обсуждать, это говорить, это предмет таких открытых обсуждений. А у нас то парламент не место для дискуссий, то телевизор не место для дискуссий. Пусть будет много мнений, хороших и разных, пусть будут споры, пусть, когда люди разговаривают, они не стреляют. И вот в этом проговаривание каких-то важнейших вещей.

Е.Г. Нет ли здесь идеализма? Скажу жёсткую такую вещь, что допустим, в Тверской губернии все деревни заселены таджиками. Русских нет фактически, еще пройдет несколько лет и под брендом России будут просто жить таджики, плохо говорящие на языке. И однажды вы проснетесь, оглянетесь и не увидите ни одного сообщника по языку, по культуре, потому что их будет мало и они рассеются, может быть только в Москве. Вот, исходя из этой точки зрения, искренне по-человечески не жаль, и нет ли таких понятий, что есть какие-то вещи несмешиваемые, что мультикультура как таковая не нужна?

З.Е. Мне кажется вы знаете, мне кажется то, что сделали чиновники с Москвой, старой Москвой, замечательной Москвой – это хуже чем сделали таджики, дворники, которые сделали Москву чище определенно. А они уничтожили эти старые особняки... Осталось мало таких точек, где сохранен дух старой Москвы, замечательной. или не сделал. Это везде есть, во всем мире. Сколько турок в Германии, сколько арабов во Франции, сколько выходцев из Индии, из Африки в Лондоне, но все-таки люди как-то сосуществуют. А у нас это принимает такие формы нетерпимости. Меня очень волнует то, что мы продолжаем жить по формуле “Другое – это ад, другое – это непереносимый скандал”. Мне кажется, проблема России во многом – трулность обратиться к себе, внутрь себя... Мы все время ищем врага, нам все время кто-то мешает жить. Нам нужен какой-то тяжелый, сложный, честный разговор с собой о себе, о собственных недостатках, о том что мы не сделали, и что мы могли бы сделать. Мне кажется, этого нам очень не хватает. Стыд – это гнев, обращенный вовнутрь. Юра об этом как раз писал. Вот он писал о Грузии, что стыдно.

Е.Г. Многие считают Горбачева, скажем, человеком, который дал глоток свободы. Но много людей считают Горбачева разрушителем основ жизни, государства, лучших принципов и так далее. А вы?

З.Е. Я вообще Горбачевка, конечно, очень такая страстная. Хотя, когда мы работали в “Комсомольской правде”, и Горбачев былл у власти, мы слова хорошего о нем не сказали, все его критиковали. И я отношусь к нему как к абсолютно великому человеку, как и Юра, я думаю, так относился.

Он н мог бы это все не делать, и до сих пор бы весь этот ужас с Советским Союзом продолжался. Я не считаю, что там народ созрел, страна созрела, что все это было неминуемо. Это из той серии тоже, когда один человек –

это уже очень много. Он это сделал, сделал именно тот человек, который знал эту систему изнутри. Он попытался ее поменять и поменял. Вся эта и сталинщина, и потом брежневщина, это был бесконечный стыд и позор.

И сейчас, что бы ни происходило плохое, все равно это живая жизнь по сравнению с той, что прошла. И этот человек это сделал. И сейчас я кидаюсь в бой, когда при мне говорят плохо о Горбачеве, потому что когда начинают так старательно перечислять что он не сделал, как будто тот человек, который критикует его сейчас на кухне, сделал бы. Мне кажется, надо говорить о том, что сделал Горбачев. Он очень много сделал, и сделал из того, что, может быть, не под силу было бы сотням людей. Мы должны быть очень благодарны Горбачеву за то, он сделал. А неблагодарность и на уровне отдельного человека, и на уровне целого народа – это очень плохо. Другое дело, мы мало включились, мало помогли... Но, как говорил Бродский Ахматовой, “главное – величие замысла”.

Кстати, и журналисты тоже занимались собой, упивались собой, тне произошло какого-то серьезного анализа, исследования, каждому в своей точке и журналистского сообщества вместе...Нами, журналистами, и мною лично тогда не было сделано, когда было вот такое, казалось бы, благодатное для этого время.

Но, мне кажется, Горбачев был и остается великим человеком, и его поведение сейчас в отставке совершенно достойно, потому что он продолжает работу в этом Горбачев-фонде, он продолжает исследовательскую работу, он продолжает разговор с людьми.

Е.Г. Зоя, практически последний вопрос. Вот есть какие-то у вас воспоминания, когда вы последний раз виделись с Юрой, и ваши ощущения от этого общения?

З.Е. У Юры же был инсульт, и потом мы так обрадовались, что он от инсульта так выздоровел очень быстро. Ранняя весна...Он обычно, когда приходил в редакцию, всегда заходил, вот здесь стоял, здесь что-то рассказывал, и это всегда были какие-то не пустые разговоры, очень содержательные. Что прочитал, что узнал, что посмотрел, что думает. Он как-то успевал расспросить тебя о твоей жизни, обо всем, не по-светски, не формальнг... Разговор всегда был связан как-то с жизнью газеты... Я не помню какую-то конкретную тему, но я помню что, как говорят французы, “друзья не те, кто постоянно созваниваются, постоянно

общаются, а те, кому рады при встрече”. Юра был тот человек, которому всегда был рад: занята ты в это время, не занята, но как-то откладывались все дела. И вот эта наполненность разговоров, какая-то такая радость, какая-то такая близость, содержательность этого разговора, будь это разговор о доме, будь это разговор о газете, о жизни, обо всем... Знаете, никогда у Юры не было демонстрации своего плохого настроения, он всегда старался быть в форме, и кого-то поддержать, кому-то сказать, не было вот этого “а у меня сегодня нет такого настроения, и все, отстаньте от меня”.

– Е.Г. Смерть была или неожиданная?

З.Е. Конечно, неожиданная. Я помню, что какое-то время от меня даже Муратов скрывал, чтобы я не знала, что он уже был в больнице. Муратов прервал свой отпуск и приехал, нам стало известно, и как-то так сразу стало страшно... Не то, что ты веришь в самое плохое, ты все равно надеешься, но как-то это тебя все так накрывает... Я помню, в какой-то момент меня Муратов попросил позвонить Наталье Дмитриевне Солженицыной, мы тогда общались с ней, и расспросить об этих симптомах. Сказал: “Запиши и, потому что это очень похоже на то, что было с Александром Исаевичем, когда он ехал в Новочеркасск к маме, и был укол какой-то». Я позвонила Наталье Дмитриевне, она мне подробно рассказала, и это очень совпало с Юриным состоянием, она рассказывала, как он лежал тогда на даче у Ростроповича накрыт одной простынкой, даже не могли его накрыть, такая боль, и тоже это продолжалось два месяца или даже четыре... И как не вызывали никаких врачей, тогда Ростропович включил все свои связи, и вроде обошлось... Говорила, что где-то в 94-м году, когда они возвращались, были в газете “Совершенно секретно” какие-то исповеди какого-то КГБешника, про какое-то лекарство...

Я помню, Наташа Разгон, моя подруга, дочь Льва Эммануиловича Разгона, мне тогда сказала, что, наверное, еще сила организма может быть важна, возраст, доза... Потом, когда Юра умер, Наталья Дмитриевна меня очень поддерживала, и просила, чтобы вся редакция держалась. И, кстати, недавно когда в этом году опять открыли дело в очередной раз, мы встретились с Натальей Дмитриевной Солженицыной в консерватории, и она сразу тоже, вспомнила и как-то просила держаться, пройти этот путь. Горе было страшное... Такое чувство вины какое-то страшное, потому что Юра очень

многих людей спасал: и больных детей, и всех. В любое время, все обращались к нему, и он кидался, вытаскивал из беды, эффективно помогал, именно спасал.. Казалось, что добро, что он делал, оно должно было как-то к нему вернуться, стать какой-то его охранной грамотой, а это не случилось. И все время ощущение, что он спасал, а мы не спасли, он мог, а мы все вместе вот как-то не вытянули одного, не догадались, не поняли, из-за чего именно, где была эта опасность. Он же ничего не таил, он же сразу предавал все гласности, он вылезал в телевизор, он показывал какие-то бумаги... Но у него было столько направлений – откуда бабахнуло, кто это замыслил, организовал, осуществил, исполнил – все это трудно понять.... Но вот это чувство вины, оно все время продолжается, и ты это все время перемалываешь: “А вот что, а вот если бы, а где, а как, а где, где оборвалось, как, почему не удалось спасти, вытащить?”. И ты это все, это бесконечно прокручиваешь это.

Е.Г. А не было ли в Юрином отношении к Чечне ошибки – как кажется сегодня?. И сегодняшние взаимоотношения России и Чечни, на ваш взгляд?

З.Е. Конечно, и Юру, и Аню (ПОЛИТКОВСКУЮ-ред) обвиняли в романтизме, в идеализации. Я не думаю, что тогда это было неправда. Если смотреть из сегодняшнего дня туда, может так показаться, но я не думаю, что они делали что-то неправильное, потому что тогда была война, и тоже выбор был: или прославлять эту войну, или ее осуждать и бороться. Юра всегда был на стороне самых слабых, самых беспомощных, самых угнетаемых, самых обижаемых, и отсюда его отношение к Чечне, к тогдашней Чечне. Я думаю, что Юре было бы трудно пережить то, что потом случилось, и как этот народ выбрал Кадырова младшего, и во что сейчас все превратилось. Романтизм не перечеркивает то, что Юра туда ездил, что Юра вызволял оттуда наших пленных, и то, что потом сделал майор Измайлов – и вместе с ним, и сам потом 170 заложников без копейки денег вытащил из Чечни. И я думаю, что это в любом случае правильный выбор, потому что нельзя, чтобы так поступали с людьми, чтобы вот Юра это наблюдал и был бы над схваткой, это трудно. Конечно, Юра кидался в бой и тоже именно вытаскивал оттуда людей, из этого боя, из этого ужаса, из этой войны, и пытался пересилить все это, как мог, к своей точке. А сейчас не могу представить, как быон относился к происходящему, но думаю что тоже жестко и прямо. Не вилял бы

хвостиком и не заигрывал бы с нынешним руководством в Чечне, мне так кажется.